

ОТЗЫВ

о диссертации Борисовой Татьяны Станиславовны «ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ТРИОДНОГО ЦИКЛА)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. – Новосибирск, 2020.

Как явствует из названия диссертации, исследование Т. С. Борисовой выполнено в контексте истории русского литературного языка. Эта научная и учебная дисциплина трудами выдающихся предшественников — С. К. Булича, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. С. Трубецкого, Б. А. Ларина, В. В. Виноградова, Б. А. Успенского, В. М. Живова и других — обрела большую содержательную определенность, хорошо фундирована источниками и в настоящее время представлена хорошо обоснованными, хотя и в чем-то соперничающими концепциями. Вместе с этим стало очевидным, что дальнейший прогресс в этом направлении в отечественном языкознании возможен лишь благодаря привлечению новых источников; в особенности это касается древнейшего этапа истории русского литературного языка. И мы видим, что в последние два-три десятилетия существенно увеличилось количество ученых, занимающихся изучением отдельных памятников письменности с привлечением текстологических методов исследования. Это работы Л. П. Жуковской и ее школы, А. А. Алексеева, Л. Г. Панина, Е. М. Верещагина, М. Моминой, В. Б. Крысько, Т. Г. Поповой, О. А. Крашенинниковой, Р. Н. Кривко, А. А. Пичхадзе, А. М. Пентковского и многих других. К этому числу принадлежит и рецензируемая диссертация Т. С. Борисовой.

Структурно диссертация состоит из двух частей: первая часть посвящена текстологической истории четырех переводных гимнографических па-

мятников — Акафиста Богоматери, Великого Покаянного канона св. Андрея Критского, Алфавитных стихир из последования Великого Покаянного канона и Антифонов Великой Пятницы, каждому из которых посвящена отдельная глава. Эта часть стала основой для собственно лингвистического исследования лексических, лексико-словообразовательных и стилистических различий во всех анализируемых текстах. Работа выполнена на основе изучения более 70 древнерусских, древнесербских и среднеболгарских рукописных источников XI — XV вв., а также опубликованных памятников церковнославянской письменности, научных и церковных изданий и рукописных источников по византийской гимнографии. Эти две части, как водится, предваряются Введением, в котором определяются цели и задачи исследования, среди которых наше внимание особенно привлекла выдвинутая автором диссертации «гипотеза о системном влиянии греческого языка на церковнославянский и русский литературный, осуществляемого в процессе перевода текстов и их последующего редактирования путем переноса языковых структур разных уровней ... из передающего языка в принимающий, а также последующей адаптации данных структур в системе принимающего языка» (с. 11).

В первой главе первой части рассмотрены труды предшественников, начиная с классической книги И. Карабинова «Постная Триодь» (1910 г.) и заканчивая работами наших современников М. Моминой, С. Темчина и других. Обзор написан с глубоким знанием дела человеком, который сам немало потрудился над текстологией памятника и потому рассуждает зрело, тонко подмечая противоречия и недостатки в работах предшественников. Из этого обзора становится понятной стратегия дальнейшего исследования: «...лингвотекстологическое исследование истории языка триодных текстов не может быть основано на данных типологических классификаций всего сборника в целом, и должно обязательно предваряться типологическим и текстологическим исследованием конкретного гимнографического текста, входящего в состав данного сборника» (с. 40).

История текста Акафиста Богородице восстанавливается автором на основе изучения 40 списков XII-XV вв. Как показало исследование Т. С. Борисовой, у истоков этой истории находились две редакции — кириллическая Акростишная и Глаголическая без акростиха. Теоретически важным является различие автором диссертации понятий редакции и компиляции: если редакция возникает вследствие систематической правки текста, опирающейся на тот или иной греческий оригинал, то компиляция представляет собой текст, возникший в результате взаимовлияния различных славянских редакций без привлечения греческих оригиналов. Применяя это положение, Т. С. Борисова установила историческое существование пяти редакций Акафиста и шести компиляций, каждая из которых подробно описана в структурном отношении. Языковые данные активно используются в контексте истории текста для ее реконструкции, однако осталось пока неясным, что эта текстологическая история может дать истории языка. На наш взгляд, важным итогом текстологической работы был бы вывод о том, какие именно списки из 40 рассмотренных репрезентативны в контексте истории церковнославянского языка, но этого вывода в данной главе мы не находим.

Следующая глава посвящена истории славянского текста Великого покаянного канона св. Андрея Критского, реконструируемой на основании 37 болгарских, сербских и русских рукописей IX-XV вв. Избрав в качестве классифицирующих признаков порядок следования тропарей и лексические различия, Т. С. Борисова сформулировала весьма достоверную гипотезу об историческом существовании двух независимых переводов Канона Андрея Критского, один из которых положил начало длительной текстологической традиции, которая представлена пятью редакциями; эти редакции возникли путем последовательной справки по греческому оригиналу, к сожалению, по объективным причинам не установленному автором; итогом и как бы венцом этой справки и в богословском, и литературном отношении явилась Афонская редакция. Второй гипотетический перевод представлен одним списком — Загребской Триодью постной и цветной XIII в., но этот перевод не стал родона-

чальником особой текстологической традиции. В выводах этой главы, как и в предыдущем случае, мы не заметили указаний на списки, релевантные для истории церковнославянского языка.

Очень интересной оказалась история текста Алфавитных стихир из службы Великого покаянного канона. У славянских переводчиков было две возможности: 1) сохранить порядок стихир, не соблюдая принцип акростиха или 2) создать собственной славянский текст с акростихом, нарушая греческий порядок стихир. Как показывает исследование, были использованы обе возможности, что и послужило для автора диссертации основанием для классификации славянских списков Алфавитных стихир. Всего к исследованию привлечено 18 списков: 13 списков первого типа и 5 списков второго типа. Дальнейшая история этих двух текстологических традиций в течение четырех веков, то есть вплоть до Афонской справы, оказалась весьма запутанной, характеризующейся вольным обращением славянских книжников с доставшимся им текстологическим материалом, и это стало причиной изобилия компилятивных списков; практически каждый список Т. С. Борисовой пришлось описывать как уникальный, одновременно показывая источники вдохновения его писца и редактора. Отмечая тонкую, подчас филигранную работу Т. С. Борисовой над выявлением текстологических особенности каждого списка, содержащего Алфавитные стихиры, снова укажем на то, что в выводах этой главы нет указаний на списки, особенно ценные в контексте истории церковнославянского языка.

Последняя, четвертая глава первой части посвящена текстологии Антифонов Великой Пятницы; всего к исследованию были привлечены 30 древнеболгарских, древнесербских и древнерусских списков памятника. Хотя за основу выделения редакция был принят достаточно устойчивый признак — состав тропарей, однако лишь две редакции (редакция А и Г, т. е. Гимовская) представлены реальными списками, тогда как остальные редакции (редакции Б, Е, Д) выявляются лишь аналитически из состава списков, являющихся разнообразными компиляциями едва ли не всех редакций (см. схему на с.

327). Антифоны Великой Пятницы в еще большей степени отражают то «литургическое брожение», которое было свойственно славянской богослужебной практике в первые века по принятии христианства вплоть до того момента, когда Афонская справа вытеснила это многообразие на периферию, установив окончательный «правильный» текст. Здесь возникает интересный вопрос о том, каковы условия, при которых оказывается возможным осмысливать тексты в категориях «правильный — неправильный»?

В заключение первой части читатель ожидает увидеть какие-то выводы, которые служили бы логическим переходом от текстологической части ко второй, лингвистической, однако, автор решил сделать это в начале второй части: именно здесь мы находим перечень тех списков редакций, которые репрезентативны для собственно лингвистического исследования (см. с. 337-338).

В этой же, первой главе второй части, Т. С. Борисова с опорой на своих предшественников, прежде всего Л. П. Жуковскую и Л. Г. Панина, описывает цели и задачи лингвотекстологического метода и его возможности в историко-лингвистическом контексте. О высокой источниковедческой культуре автора свидетельствует понимание им того, что «лингвотекстологическое изучение языка триоди как целого сборника, в особенности в области лексической вариантности, в большей степени зависящей от редакций, а не от изводов, невозможно, поскольку в один и тот же сборник могли входить тексты, происходящие из различных редакций или традиций» (с. 339).

При чтении этой главы, в целом написанной очень хорошо, с хорошим знанием той научной традиции, к которой относит себя автор, нас не могло не насторожить его намерение ограничить исследование лишь введением нового материала, значимого для исторической лексикологии, словообразования и стилистики (см. §50.8). с. 335). Если выразить это в простоте сердца, то получается, что автор готов заварить кашу, предоставив расхлебывать ее всем желающим. Если это симптом, то симптом чего? Ниже я попробую ответить на этот вопрос.

Вторая глава второй части «Лингвотекстологическое исследование лексических вариантов гимнографических текстов как источник исторической лексикологии» начинается с обсуждения вопроса о лексических заимствованиях и их славянских соответствиях. Здесь рассмотрено 17 лексико-семантических вариантов: **алавастръ — стькланица, динарь — пѣназь — сребрникъ, едемь — рай** и другие. Мне кажется, что автор диссертации должен испытывать некоторое разочарование от своего источника, ибо тот не дал практически почти ничего нового ни в словарном, ни в семантическом отношении; большая часть из этих вариантов уже известна и по другим источникам, а в предложенном автором анализе присутствует лишь констатация очевидного.

В сравнении с этим разделом выгодно отличается глубиной и оригинальностью суждения второй раздел этой главы, посвященный усвоению и выражению греческой категории красоты. Свойственное греческому языку противопоставление *kállōs* — *ōraíon*, то есть противопоставление красоты небесной и красоты земной, в анализируемых источниках долгое время не могло найти своего однозначного выражения, и лишь, как утверждает автор диссертации, Афонская справа привела к коренному пересмотру перевода рассматриваемых лексем, когда установилось противопоставление лексем **красота — доброта**. Таким образом, заключает Т. С. Борисова, «при помощи лингвотекстологического метода нам удалось установить, что система эстетических терминов церковнославянского языка сформировалась к XIV веку. Именно в этой системе понятий с ее четким разделением – а иногда и противопоставлением – красоты земной и небесной и получает свое дальнейшее развитие славянская церковная эстетическая мысль» (с. 371).

Обобщения на материале ограниченного количества источников, чтобы быть достоверными, надо проверять на более широком круге источников, то есть, как принято в историческом исследовании, показания одного источника проверять показаниями другого. Лексикографические данные показывают, что исконным значением сущ. *доброта* в др.-русс. языке было значение

внешней, плотской красоты, чему способствовала сама внутренняя форма праслав. **dob-* — ‘подходящее время, пора’; ср.: *Яко не подобает чудитися добротъ женьстѣи* (Изборник 1076 г.); *бѣтѣство бо и слава погыбають. и доброта оувладеетъ* (Троицкий Сборник XII/XIII вв.). Эти примеры легко умножить. Поэтому, на наш взгляд, Афонская справа, в силу духовного авторитета Святой горы, могла сыграть важную роль, но только в русле тенденций развития самого русского языка. Возможно, что как раз нравственное значение у слов *добрый*, *доброта* появилось вследствие употребления его для перевода греч. ἀρετή ‘доблесть’, ‘превосходные качества’, ‘красота’, например: *доброты своя таи. послухы же житию многы имѣи. τὰς ἀρετὰς* (Изборник 1076 г.). Вернее же всего, как сказал бы В. В. Колесов, слова *добрый*, *доброта* изначально были синкретичными, и лишь вследствие перехода от образно-символического мышления к понятийному эти слова стали обозначать исключительно нравственное понятие.

Третий раздел главы посвящен становлению системных синонимических отношений в двух семантических группах: глаголов с семантикой зрения (*видѣти*, *зрѣти*) и глаголов с семантикой речи (*вѣстити*, *реши*, *глаголати*, *зъвати*). Как показало исследование, на смысловую дифференциацию этих глаголов оказала влияние группа греческих глаголов βλέπω, θεωρέω, ὀρέω в первом случае и βοάω, κράζω, λέγω, φημί, ὑμνέω, ψάλλω — во втором. Полученные данные сомнению не подлежат, но для их полной верификации требуется привлечение гораздо более широкого круга источников. Так как сама исследовательница ограничилась лишь введением в научный оборот данных источников, то и обращение к научной литературе по данной тематике в диссертации отсутствует¹.

В отечественном языкознании историческое словообразование разработано еще явно недостаточно, тем отраднее видеть, что целая глава рецен-

¹ Из сравнительной новой литературы укажем, например, на диссертацию Е. В. Глинки «Система глаголов восприятия, мышления и говорения: На материале исторических словарей русского языка» (Брянск, 2003).

зируемой диссертации посвящена этому вопросу. Конкретной целью первого раздела является попытка реконструкции начального (IX-XI вв.) этапа переводов греческих композитов на основании данных исследуемых источников; всего проанализировано шесть рукописей. Не останавливаясь на частностях, отмечу весьма важный для истории сложения славянского литературного языка древнейшей поры установленный исследовательницей факт отнюдь не рабского, не слепо подражательного характера работы славянских переводчиков: «калькирование структуры греческого сложного слова являлось не целью перевода, но лишь одним – наряду с другими – способом передачи семантики греческих композитов славянскими языковыми средствами, а переводчик не стремился установить однозначные лексические, морфологические и структурные соответствия между двумя языками, не избегая вариантности в передаче как определенных языковых единиц, так и языковых моделей (структур) исходного языка в языке принимающем» (с. 402-403). В ходе дальнейшего редактирования путем сверки с греческими оригиналами эта свобода постепенно сходит на нет: переводчики все больше стремятся к структурно-семантическому соответствию греческих и славянских композитов. Соглашаясь с этими выводами диссертантки, хочу указать на то, что автору для более квалифицированного суждения порой не хватает более широкого исторического контекста. Например, слово **милосердие** совершенно не соответствует по структуре греческому *ἐὸσπλαυχία*, но довольно точно воспроизводит структуру лат. *miseriordia*; по-видимому, это слово возникло в моравской христианской общине еще до миссии свв. Кирилла и Мефодия, вошло в общеславянское употребление, чем и объясняется его употребление в переводах с греческого.

Факты, установленные автором диссертации в третьем разделе этой главы, дают богатую пищу для размышлений на тему о несовпадении лексико-словообразовательных структур греческого и славянского языков. Славянская приставка **сь-** с исконным пространственным значением оказалась лишь в редких случаях пригодной для выражения комитативного значения,

свойственного греческой приставке *συν-*. Сопротивление славянского языка было столь значительным, что поморфемное калькирование оказалось невозможным и было заменено другими способами перевода: или чисто семантическими, или описательными, или с использованием иных словообразовательных средств. Причину несовпадения двух языковых систем Т. С. Борисова видит в различной судьбе приставочного словообразования в греческом и славянском языке, а именно: в славянском языке, в отличие от греческого «глагольная приставочная деривация наряду со словообразовательной стала выполнять и важную морфологическую функцию в качестве одного из основных средств для выражения активно формирующейся в рассматриваемую эпоху грамматической категории вида» (с.432). На мой взгляд, в этом утверждении есть одна неточность. В этом высказывании имплицитно содержится утверждение, что категория вида и ее формирование является действующей, по Аристотелю, причиной превращения приставок в средство выражения вида. С нашей точки зрения, категория вида является лишь следствием другого процесса, коммуникативно более значимого, а именно процесса формирования способов глагольного действия. Поскольку эта тема не является предметом обсуждения в рассматриваемой диссертации, то и мы не считаем возможным более подробно дискутировать о ней.

В последней главе Т. С. Борисова путем анализа своих источников показывает печальную судьбу такого важного в византийской письменной культуре риторического приема, как акrostих, факт чего на других источниках уже был отмечен в научной литературе. Достоверным представляется объяснение этого факта: «Неприятие акrostиха славянами, скорее всего, имело чисто языковые причины: акrostих как образное средство связан исключительно с письменной формой речи, он не воспринимается на слух, его надо видеть, а письменный язык славян был еще чересчур молод для рецепции столь изысканных художественных форм, выработанных в культурах с многовековой письменной традицией» (с. 450).

Такая же судьба постигла и такой прием, как паронимическая аттракция. Что касается другого приема — паронимии, то, как мне кажется, исследовательница несколько преувеличила сознательность славянских редакторов, которые якобы использовали этот прием; собранные в таблицах материалы показывают, что паронимия переводимого текста сохранялась, за немногими исключениями, невольно, лишь в силу структурного сходства двух языков.

К уже указанным недостаткам работы следует причислить отсутствие греко-славянского и славяно-греческого словоуказателей по образцу, например, словоуказателей в издании «Хроники Георгия Амартола», осуществленного В. М. Истриным; наличие таких указателей существенным образом улучшило бы текст диссертации. К мелким недочетам можно отнести пропуски в библиографии: в тексте есть ссылка [Панова 2014], но в указателе литературы эта работа отсутствует.

Заканчивая обсуждение диссертации Т. С. Борисовой, следует сказать следующее. Перед нами прежде всего грандиозное по объему и высококачественное по исполнению текстологическое исследование важных гимнографических источников. Производит глубоко положительное впечатление искусство текстологического анализа. Плодами этого исследования будут пользоваться не только лингвисты, но и филологи, богословы, литургисты и другие специалисты-гуманитарии. В лингвистической части диссертации была вновь доказана эффективность лингвотекстологического метода, а результаты исследования найдут свое применение в общих работах по исторической лексикологии, исторического словообразования и исторической стилистике.

В целом можно утверждать, что диссертация Т. С. Борисовой производит глубоко положительное впечатление, в ней содержатся новые данные, углубляющие наши представления об истории русского литературного языка, о теории и практике лингвистического источниковедения. В диссертации решены все поставленные задачи, выводы объективны и заслуживают внима-

ния историков русского литературного языка, а также специалистов смежных дисциплин.

Диссертационное исследование Борисовой Татьяны Станиславовны «История русского литературного языка по данным лингвотекстологического анализа переводных памятников (на материале гимнографических текстов триодного цикла)», представляющая собой новое явление в современной исторической русистике, отвечает требованиям, предъявляемым в пп. 9-11 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК России, а автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 —
русский язык), профессор,
ФГБОУ ВО «Московский педаго-
гический государственный уни-
верситет», зав. кафедрой общего
языкознания Института филологии
119991, Россия, Москва, ул. Малая
Пироговская дом 1, строение 1;
Тел.: +7 (499) 246-57-12;
E-mail: fil@mpgu.su

Камчатнов
Александр Михайлович
Россия, МО, г. Щелково,
ул. Московская, д.98
alexmk52@gmail.com

10.12.2020 г.

